

Ю. Трусман

Начало и распространение в древности православия между финскими племенами

Ю. Трусман

Ныне Русское государство празднует 900-летие своего обращения в христианство, приняв Христову веру из православной Византии. Прилично по этому и нам эстонцам спросить: не должны ли и мы, как члены великой русской семьи, принимать участие в этом великом торжестве? Если многие из нас ныне по вере и чужды русскому народу, то не были ли объединены с ним по вере наши отдаленные предки? Взглянем на отдаленное прошлое наших предков и поищем в нем ответа на поставленные вопросы.

Около тысячи лет тому назад финские и соседние с ними славянские племена, будучи еще язычниками, занимали почти те же места, что и ныне; жили совместно, сообща обсуждали свои дела и единодушно защищались против врагов. Между прочим в окрестностях оз. Ильменя Славяне, по своему сюда прибытию, построили себе новый город, который так и был назван Новгород, а ближайшими и непосредственными соседями Новгородских Славян были тогда Води, Карелы, Веси и с юго-запада Эсты. Летописи говорят, что в IX столетии у Славян и финских племен возникли беспорядки, и они порешили призвать от варягов – Руси князей.

Из призванных в 862 г. трех князей, Рюрик сел в Ладоге (Старой) на Волхове, Синеус на Белоозере и Труворе в Изборске. Вместе с славянами подчинились этим князьям, конечно, и финские народы, в том числе и Эсты: под властью Рюрика и Синеуса оказались теперь некоторые северные финские народы, а под власть Трувора подпали Эсты, обитавшие на юго-западном берегу Пейпуса.

По смерти Синеуса и Трувора, Рюрик поселился в Новгороде, ближе к центру государства, где жили славяне, и стал править один, и владение его стало называться Русью. Так положено было основание Русскому государству, в котором славяне получили еще большее значение в делах государства. Но это господство русских славян над соседними финскими народами нисколько не мешало взаимной их дружбе. Различные финские и славянские народности и по призыванию князей продолжали жить в мире и дружбе. Потому, когда преемники Рюрика стали распространять свои

завоевания к югу, завладели Киевом, и стали предпринимать походы даже на Константинополь, который был тогда средоточием православия, то Финская народности принимали деятельное участие в этих предприятиях русских князей. В этих то походах наши отдаленные предки впервые и познакомились с христианством, именно, с православием. И конечно многие из них оставляли язычество и также принимали христианство, как и купцы и воины русские, познавшие в Константинополе истинного Бога. Когда христианство уже значительно таким способом распространилось на Руси, то князь Владимир в 988 г. в Киеве открыто объявил христианство господствующей верой, приказал Киевлянам явиться для принятия крещения на Днепре и велел бросить в Днепр идола Перуна, которого язычники киевляне с плачем провожали по берегу. Так было сделано и в других городах, где жили князья с дружиною, наверно и в городах среди финских народностей.

Дружественные связи большинства финских и славянских народностей продолжались до начала XI в. При князе Владимире Великом (972–1015), просветитель Руси, связи финских народностей с русскими были не менее оживленны, чем и при основании Русского государства. Воины финской народности нередко упоминаются в войсках Владимира. Владимир даже заселял ими некоторые окраины своего княжества для охраны их от неприятельских нападений. Известно, что Владимир посылал своих данников собирать дань далее в отдаленной тогда Эстонии. Но когда Новгород перестал занимать первенствующее место в русском государстве, и великокняжеский престол утвердился в Киеве, то отдаленный от Киева финские племена, преимущественно Балтийские Эсты, стали по временам отказываться платить дань, но через то самое заставляли Русских князей принимать меры для восстановления прежних отношений. Так уже сын Владимира, Ярослав Мудрый (1015–1054) или Георгий (Юрий) по христианскому имени, должен был в 1030 г. военной силой выступить против Эстов, живших на западной стороне Пейпуса. Он победил их и построил во имя своего Ангела город Юрьев при р. Омовже, на живописном месте, служившем по верованию языческих Эстов, местопребыванием их высшего бога Тары и славного народного певца Ванемуйне. Весьма вероятно, что Ярослав тогда же оставил здесь своих людей и положил начало православию среди здешних Эстов. По крайней мере в следующие столетия мы не без основания узнаем о существовании в Дерпте православной церкви, именно Георгиевской, которой принадлежали и некоторые эстонские деревни. По смерти Ярослава (в 1054 г.) владения его разделились на несколько самостоятельных

княжеств, вследствие чего в русской земле произошли смуты, и отдаленные финские племена у Балтийского побережья стали отказываться от платежа русским князьям дани. Те же финские народности, которые жили в непосредственном соседстве или смешанно с русскими, например Водь, Карела, Весь, Псковские Эсты (Сету), по прежнему продолжали находиться в полной дружбе с русскими.

Святой Владимир и его сын Ярослав много потрудились над распространением православия в своих владениях, начиная с ближайших и доходя до отдаленных, уничтожали идолские капища, строили церкви, учреждали школы, рассылали проповедников и т. д. Конечно первоначально христианская вера утвердилась только в городах Киеве, Новгороде, Ладоге, Пскове и др. Бесспорно, большая часть населения последних трех городов состояла из Славян-купцов и княжеской дружины. Меньшая часть населения из финских народностей, должна была заодно с русскими принять христианство. Но как произошло обращение в христианство финских народностей, живших вне этих городов, в древней Новгородской и Псковской области, именно Води, Карелы, Сету?

Они принимали христианство так же, как и остальное русское население. Их крещение совершилось, вероятно, уже в XII в. Оно совершилось постепенно, мирно, без насилия. Поэтому нигде нельзя указать года, когда бы в том или другом месте финская народность открыто приняла христианство, как это было в Киеве в 988 г. Но год 988-й служит для финских народностей, равно как и для русского населения других мест, началом введения и широкого распространения христианства во всей Русской земле. Финские народы древней Руси были просвещаемы светом Евангелия особым путем: не мечем и огнем, не грабежом и обманом, не лестью и насилием, как вторглось в Ливонию и Финляндию римское католичество. Русские князья обходились с ними так же, как и с остальными подданными, т. е. предлагали упорным принять христианство под страхом уплаты пени за ослушание, и православные священники, являясь к ним или поселяясь между ними, крестили изъявлявших на то желание. Для новокрещенных в каждой деревне, может быть на месте языческого служения, ставилась деревянная часовня, в ней большой каменный крест и святые иконы. На первых порах и по временам к новообращенными, приезжали православные священники для отправления богослужения и христианских треб. Поэтому понятно, что новообращенные только по имени были христианами, а на деле долго оставались еще язычниками. Но не только священники распространяли здесь православие, а и русские купцы, монахи – пустынножители, селившиеся

среди финских народностей. В частности, монахи-пустынники являлись для северных финских племен истинными просветителями. Они обыкновенно селились в дремучих лесах, на островах, вдали от людей; они собственными руками возделывали землю для пропитания, проводили время в молитве и трудах, привлекали таким образом к себе благоговейное внимание окрестных жителей. Языческие финны научались от них прежде всего христианской любви, смирению, терпению, молитве и трудолюбию, а при этом и лучшим способам возделывания земли. Уважение и благоговение пред монахами с течением времени переходило и на самую их православную веру и так. обр. Водь, Корела, Весь и другие подчиненные Новгороду финские племена добровольно, из убеждения переходили в православие. Только благодаря тому, что Финские племена не подверглись разрушающему действию католичества, они могут теперь гордиться столь полным и чистым собранием народных песен, как «Kalewala», «Kanteletar» и др. Правда, финские инородцы не приобрели книжных познаний о православии, не успели достаточно познакомиться с его вероучением, хотя все же в их песнях и легендах заметно влияние христианства. Имена напр. Самого Иисуса Христа, Пресвятой Девы Марии, Предтечи Господня Крестителя Иоанна, Св. Георгия и др. святых нередко упоминаются в них. Желающих открыто присоединиться к православию русская церковь не оставляла без наставления; напротив, в Новгородской епархии в начале XII в. соблюдалось правило учить их догматам Веры 40 дней до крещения.

В новейшее время иные думают, что православие уничтожило народность некоторых финских инородцев, что благодаря только принятию ими православия они слились с русскими. Это неверно. Действительно, значительная часть финских племен, живших некогда внутри России и в Новгородской и Псковской области, вполне слились с русскими и оставили по себе следы в местных названиях и в языке и обычаях своих потомков, происшедших от их смешения с русскими. Так например в древней Водьской пятине, на восточной стороне Пейпуса, заселенной некогда финским народом Водью, ныне сохранились только нерусские названия деревень и урочищ и особенности местного говора. Некоторые местные названия еще показывают, что Водь, принявшие христианство, существовала еще долго после этого. Но причиной их слияния с русскими было не принятие ими православия, а скорее совместное сожительство и равноправность с русскими при численном превосходстве последних. Еще до распространения православия на Руси некоторые финские племена, именно внутри России значительно

подверглись русскому влиянию, и без сомнения слились бы с ними и без православия. Известно, что русские не делали разницы в гражданской жизни между собою и инородцами; последние повсюду пользовались теми же правами и могли заниматься теми же промыслами, как и настоящие русские.

А так как русские по своей природе гораздо живее, предприимчивее и общительнее, то инородцы выучивались их языку, перенимали их нравы и таким образом постепенно сливались с русскими. От этого слияния произошли потомки крепкого телосложения и здорового, сильного ума. Те же из инородцев, которые живут ныне в соседстве с русскими, не слишком смешанно с ними, например Ижора, Карелы, Зыряне, и во Псковской губернии так называемые Полуверцы (Сету), исповедуя православную веру, вполне сохранили свой язык, нравы, обычаи, песни, сказки, загадки и т. п. сокровища. Для Эстов Балтийского побережья очень поучительна история последней народности, т. е. Сету. Эта ветвь финского племени уже тысячу лет живет вместе с русскими и под русским владычеством, приняла православие из Изборска и Пскова еще до XIII в., когда соплеменники их в Ливонии были поработаны германскими выходцами. Католический священник Генрих Латышский в 1221 г. прошел со своею проповедью только до р. Пивжи, где начиналась Псковская земля, на которой жили православные Эсты (Сету). Полуверцы, также как и их северные сородичи в Новгородской области, познакомились с христианством более по богоугодной жизни уединенных пустынножителей и усвоили более обрядовую сторону православия, чем его вероучение; они научились вере в силу молитвы пред святыми и особенно пред Божьего Матерью, к заступничеству которой они прибегают ныне более всего.

Живя в стране, которая постоянно, особенно после XII в., подвергалась опустошениям и грабежам от ливонских рыцарей, полуверцы не могли иметь церквей с духовенством, а почти при каждой деревне была часовня, куда изредка, в день святого, во имя которого она была построена, приезжал священник служить и исправлять требы. В другое же время они должны были сами у себя дома совершать богослужение. Они народ очень набожный и преданный Православию даже более, чем их соседи русские.

Много хороших черт, много духовных сокровищ, давно уничтоженных католичеством у Эстов Балтийского побережья, сохранилось у полуверцев. Значительная часть песен об эстонском герое Kalewi роег, кои составляют гордость эстонского народа, собрана именно у полуверцев. Еще до ныне сохранились у них в неисчерпаемом богатстве

песни, сказки, загадки, и т.п. Это убедительно свидетельствует между прочим о том, что православная вера оставляет народность неприкосновенною.

Обратимся теперь к народам, живущим в Балтийском крае. Посмотрим, как представляются в древности у них сношения с русскими и насколько и как познакомились они с православием до вторжения в Ливонию католичества в XIII в. Между ними православие должно было распространяться несколько иначе, чем у их соплеменников в Новгородской и Псковской области. Они были просто данниками русских князей, жили вдали и отдельно от русских и потому реже приходили с ними в соприкосновение. Тем не менее, в древнейших песнях и сказках Эстов сношения между ними представляются очень дружелюбными, даже братскими. Из трех героев, братьев Калева, один поселяется в Эстонии, а другой едет на Русь, где вырастает славным купцом; эстонский герой, младший сын Калева, ходит за Пейпус в Пскове за тесом. В древних песнях «русский-братец» было обычным выражением. Песни Верроских Эстов еще ныне помнят, как в древности Эсты за одно с русскими совершали на конях отдаленные походы, продолжавшиеся иногда всю жизнь, вероятно походы в Южную Русь, в Болгарию и на Константинополь; по обычаю требовалось, чтобы из каждого двора шел один воин, а братья отправлялись на войну поочереды, при чем можно было откупиться, послав на место себя наемника. Нередко в песнях эстонская девица жалуется об уводе парней на Русь. По окончании продолжительного и далекого похода парень эстонский возвращается в родной дом, но уж в русском вооружении и так сильно изменившись, что только сестра узнает его по шитому ею одеянию и обуви. Кроме обязанностей военной службы, подчиненность русским выражалась в платеже дани, для собирания которой раз в году являлись к ним княжеские люди, или же это дело возлагалось на вождей русских отрядов в городах. Русские князья довольствовались платежом дани и никого не принуждали принимать православие. Данники их могли свободно держаться язычества. Благодаря этому между ними и русскими существовало издавна уважение друг к другу, и вообще заметно было отсутствие вражды и ненависти, которую они стали питать потом в ливонским рыцарям, лишавшим их веры и свободы предков. Потому-то туземцы-эсты в тяжелый годины рабства всегда обращались за помощью к русским Князьям и встречали с радостью их дружины, как своих освободителей.

Какие же народы древней Ливонии были подчинены русским князьям после Ярослава?

Как уже выше было сказано, Эсты, жившие на западе от Пейпуса, вдали от русских, вследствие происшедших после Ярослава смут в Русской земле, нередко отказывались платить дань; это заставляло русских князей предпринимать против них походы, сопровождавшиеся переменным счастьем. Дерптские Эсты еще в 1060 г. платили дань, когда Феллинские Эсты, на которых наложена была в то время громадная дань, восстали, пошли на Дерптские Эсты, бывших данниками Русских, взяли Дерпт, сожгли его и напали на самый Псков. Но в 1133 г. русские опять покорили себе Дерпт, который впрочем скоро опять отложился. Нужно думать однако, что Дерптские Эсты продолжали платить дань русским до самого покорения их ливонскими рыцарями в XIII в., ибо Деритский католический епископ продолжал за них платить дань русским и между прочим во Псковский Троицкий собор доставлял мед и воск, очевидно вследствие прежней зависимости Дерптских Эстов от него в церковном отношении. До пришествия немцев более удалены от власти и влияния Русских были Эсты, населявшие пространство за Вирцгервом и на север от Эмбаха. За то большая часть Латышей и Ливы с самого начала Русского государства были подчинены с краткими перерывами русским князьям. Русские владения обнимали в конце XII в. южную половину нынешней Лифляндской губернии и граничили на юге Двиною, на севере заходили дальше Аа, именно так, что Новгородским князьям принадлежали Эсты нынешнего Верроского уезда и Латыши по верхнему и среднему течению р. Аа (Очельские и Головские), а остальные Латыши и все Ливы принадлежали Полоцкому князю. Ливы и Латыши еще с X в. находились в непрерывном подчинении у Полоцкого князя, которому платили дань и обязаны были выставлять для него войско. А в XIII в. они долго действовали за одно с русскими против ливонских рыцарей. Но исповедовали ли эти данники русскую православную веру? Русские летописи говорят об этом очень мало, потому что они обыкновенно сообщают только о важных событиях и явлениях, преимущественно о победах и поражениях, но ничего не говорят о том, что происходило само собой, незаметно; и только Генрих Латышский в своей летописи мимоходом упоминает о крещении русскими своих данников Головских Латышей. Однако в 1214 г. старшины их, сыновья князя Талибальда, перешли в католичество с тем, чтобы ливонский епископ Альберт защищал их от Эстов и литовцев. Другой пример крещения русскими своих данников, упоминаемый Генрихом Латышским, касается Оденпэских Эстов, а именно в 1210 г. по взятии Оденпэ русские окрестили некоторых лиц и этим дело и ограничилось. Крещение это было вынужденное, и

потому здешние Эсты вскоре приняли от латинских проповедников католичество. Вот все, что говорят летописи о распространении в Ливонии православия. Но на самом деле православие здесь было в XIII в. столь распространено, пустило столь глубокие корни в сердцах жителей, что католицизму не легко было искоренить его. Это расположение к православию внедрилось в туземцах отчасти благодаря их зависимости от русских, которая выражалась между прочим в платеже им дани, а главное благодаря хорошим сторонам русских и их вере, при отсутствии насильственных мер обращения в христианство.

Правда, открытый переход их в русскую веру при отсутствии всякого принуждения должен был совершиться не так скоро, но за то раз переход этот совершился, он был искренний, произошел вполне из уверенности в превосходстве христианской веры над языческой. Не подлежит сомнению, что часть Эстов (Верроского уезда), Ливы и Лифляндские Латыши в XIII в. были хорошо знакомы с обрядами православной церкви. В стране Латышей и Ливов были у русских православной церкви, именно в городах Герсике и Кукенойсе, в которых жили и Латыши. Точно также имели церкви или часовни русские, поселившееся не только в окрестностях Герсике и Кукейнаса, но и в самой Ливонии. А некоторые названия мест в Верроском уезде и народное предание указывают на то, что здесь были и русские церкви до завоевания Ливонии немцами. Еще в 1222 г. ливонский епископ Альберт жаловался папе, что туземцы ливонские склоняются к православию именно благодаря тому, что между ними поселяются русские, которые отвергали латинское крещение, как вещь омерзительную, не соблюдали католических праздников и постов и расторгли браки новообращенных. Для нас ныне кажется уже загадочным то, что мы находили не только на восточном рубеже в соседстве русских, но и в отдаленной западной Эстонии русские названия местностей, деревень и отдельные дворы, носящие православное русское имя. Такие названия и имена без сомнения свидетельствуют о прежних русских поселениях и православии между Прибалтийскими народностями. Что Балтийские туземцы до обращения их в католичество имели понятие о христианстве, об этом мы находим у Генриха Латышского краткие замечания; так например Эсты в Виронии в 1220 г., когда явились католические священники крестить их, знали, что у христиан Бог один, одна вера и одно крещение, и думали поэтому, что все равно, у кого принять крещение, у Датчан, или у Немцев, что из за этого не может произойти никаких раздоров; здесь же старшина Кирьяван просил Немцев дать ему доброго Бога, говоря, что он доселе имел злого бога; гервенские

Эстонки также знали, что у христиан Бог один, представляли его однако но язычески, ибо бия палками Эзельцев, прибавляли: «да поразит тебя Бог христианский!» Но какая разница между верою русских и католиков – Эсты, Ливы и Латыши узнали по принятии католичества. Они прежде всего заметили эту разницу по тому способу, каким предлагали им принять ту или другую веру, потом уже по тем последствиям, которые оно повело за собою. Когда латинский епископ Бертольд явился в 1198 г. в Ливонию с войском, то Ливам показалось это странным, и они просили его отослать войско назад в Саксонию, говоря: «принявших веру христианскую понуждай хранить ее, других же привлекай к вере словами, а не побоями.» Говорили они так вероятно потому, что видели как обращали в свою веру их сородичей русские. Произошло сражение, Ливы были разбиты и принуждены принять католичество; «но, прибавляет летопись, лишь только ветер надул паруса кораблей, отплывавших в Саксонию, Ливы, вышедши из бань, погружались в Двину, думая, что таким образом смыли с себя воду крещения вместе с принятою верою и отправили ее опять в Саксонию». Так и Эсты в 1223 г., перебив католических священников, судей и купцов, приняли к себе жен, отпущенных по принятии христианства, выкопали из могил тела своих мертвецов похороненных на кладбищах и погребли посредством сожжения по языческому обряду, омывали и очищали себя, свои дома и замки водою и вениками, стараясь таким образом изгнать из своей страны таинство крещения. Ничего такого не могло быть у тех народностей, которые приняли православие от русских. И способ крещения католическими священниками отличается от русского крещения. У русских присоединяемого приготавливали ко крещению 40 дней, между тем ливонские католические миссионеры, военною силою вынудив у побежденных согласие принять христианство и платить соединенные с ним повинности, немедленно крестили. При крещении язычник должен был давать обещание верить в одного Бога и отречься дьявола и дел его. Но при крещении Эстов в 1222 г. не наблюдалось и этого. Католические священники, не успев побыть во всех деревнях, рассылали с крещенными крестьянами освященную воду, приказывая ставить в деревнях большие деревянные кресты, окропить этою водою своих жен и детей, что те и исполняли. Окропленные таким образом считались уже христианами, а земля, на которой они жили, собственностью немцев или датчан, смотря по тому, какие священники крестили. Одновременно с крещением католичество наложило на Балтийские народности тяжелое иго рабства, обязав их разнообразными повинностями, которых они не знали под

Русскими. Католические священники прежде всего обязаны были научить новообращенных исправному платежу будто Богом установленной десятины и разных других повинностей. Летописец Геврих Латышский, сочувствующий бедственному положению их, обращается к господам и судьям страны с таким увещанием: «вы, господа и судьи земли, не притесняйте слишком бедных Ливов и Леттов или других новообращенных... ибо Пресвятая Дева не услаждается большою данью, которую платят новообращенные; не умиливается она и деньгами, различными способами у них вымогаемыми; не хочет она налагать на них тяжелое бремя, но легкое и приятное.» Когда ливонские рыцари вполне овладели краем и русскими городами Герсике и Кукенойсом, и выгнали русских из эстонских замков: Дерпта, Феллина, Оденпэ и др., то с ними вероятно удалились из края и православные священники среди эстов и Латышей, поселившись в Новгородской и Псковской областях. Так в Городище Новгородской епархии упоминается священник Латыш, сын которого Гюрги написал в 1270 г. на престольное Евангелие. Если католические писатели и русские летописи очень мало говорят о распространении в Ливонии православия до XIII в., то язык Латышский и Эстский свидетельствует об их близком знакомстве с ним. Называя русскую веру *Kreewu tiziba* – т. е. вера Кривичей, Латыши показывают, что они познакомились с нею у Славянского племени Кривичей в Полоцком княжестве. С верою русской они заимствовали и другие названия например *церковь* – *basniza*, *говеть* – *gaveht*, *кланяться* – *klanitees*, *крестить* – *kristiht*, *креститься* – *krustu mest* (метать крест), *кутья* – *kruti kutja* и др. Многие такие слова, касающиеся церкви и православия, заимствованы также эстами и другими финскими народами от русских. Кроме этих внешних следов православия, у Балтийских народностей осталось до наших дней уважение и расположение к русской вере, чего в течении нескольких столетий не могло окончательно заглушить католичество и лютеранство. Русская вера являлась для них по ознакомлению с католичеством еще более мирною, правою, проникнутой любовью, чем раньше. Народ склонен судить о вере по жизни и делам её исповедников. Потому католическая вера, принесшая с собою столько зла, никак не могла казаться ливонцам истинной, а считалась «верой господской» как и впоследствии лютеранство. Потому они и не приняли его сердцем я умом и по душе оставались теми же язычниками, какими были прежде, даже может быть хуже. Выросшие среди всяких неправд и обид, они ожесточались сердцем, а не смея открыто совершать языческого служения, каждый стал совершать его как знал, примешивая к нему не

мало из католической службы. Таким образом произошла смесь язычества с католичеством, образовалась масса суеверий, из которых многие сохранились даже до наших дней. Из католического вероучения народ узнал очень мало, ибо служба и требы совершались на непонятном латинском языке и перевод священных книг на другие языки римскою церковью были запрещены. Да и во время господства лютеранства еще долго церковный богослужебный язык носил в устах народа название «Божеского языка» т. е. языка неудобопонятного. Но кто-нибудь может спросить: а разве русские священники знали язык наших предков? На это отвечаем: знали также как и католические монахи и на первых порах лютеранские пасторы или далее лучше. Почему? Выше уже мы разъяснили, что в древности наши предки находились в близких связях и дружбе с русскими; незадолго до порабощения их ливонскими рыцарями единственной причиной временной вражды между ними был отказ платить дань. И купцы, и ремесленники, и рыбаки из русских жили всегда беспрепятственно между нашими предками и наоборот. Как русские, так и наши предки свободно и открыто совершали друг подле друга богослужение. На горе Тары, где ныне Дерпт, происходило у древних Эстов торжественное языческое служение; здесь по их верованию сходил с неба божественный певец Ванемуйе, чтобы нет «о величии неба и земли, о красе берегов Матери (реки Эмбаха), о счастье и несчастье людском». Здесь же может быть недалеко воссылались молитвы к единому Богу, Спасителю нашему и святым Божьим угодникам. Столь мирное и свободное взаимное сожителство и объясняет нам, почему русские монахи летописцы, живя в тиши уединения от Мира, настолько знали язык наших предков, что могли правильно перевести на свои языки многие названия местностей, для нас теперь непонятный. Они приводят таких названий даже больше, чем Генрих Латышский, который крестил в католичество много тысяч Эстов. Несправедливо судить о знании русскими языка наших предков по новейшим временам, ибо русские и наши предки уже в течении шестисот лет были почти совсем разъединены друг от друга. В древности же до прибытия немцев они гораздо ближе знали и понимали друг друга, чем теперь. Но несмотря на бурные и злые прошлые времена, в народном духе жило и живет еще до наших дней смутное воспоминание о «древней», «мирной», «правой» вере русских. В городах и селах, где были русские церкви, они не переставали посещать их, обращались к священникам с просьбою совершить молитву. Веру в силу их молитвы сохранил наш народ до сих пор. Когда православные церкви были разрушены и исповедники православия подвергались

гонениям и изгнанию, как например в 1472 г. в Дерите, где во время крестного хода на Крещение был схвачен православный священник с 72 прихожанами и опущен в р. Эмба под лед, то наши предки ездили для молитвы уже за Ливонский рубеж, в Псковскую область. Здесь бежавший тогда из Дерпта священник положил основание Псково- Печерскому монастырю, который скоро сделался для Лифляндских Эстов и Латышей святым местом, привлекал и привлекает к себе массу богомольцев из Лифляндии. А лет 45 тому назад это наследственное уважение к православию вызвало в Лифляндии открытое движение Эстов и Латышей в православие. Особенно сильно проявилось желание перейти в православие именно в тех местностях, где в древности они были более знакомы с православием и русским народом, например в Верроском, Дерптском, Вольмарском и других уездах. Толпами стекались они тогда к русским священникам и высказывали желание принять «правую», «древнюю», «мирную», «русскую» веру. Так многие из них вернулись к вере своих отцов

* * *

Мы нашли теперь ответ на поставленный выше вопрос: как члены великой русской семьи, мы – эстонцы должны вместе с нею чествовать этот великий день и, хотя многие из нас ныне чужды русской вере, за то предки наши несравненно больше знали и лучше умели ценить русскую веру и русский народ, чем даже в наши дни многие из нас. Потому для нас должна быть дорога память о том дне, который послужил началом нашего духовного единения в вере с великой русской семьей. Этот день должен возобновить в нас дорогие для нас воспоминания о той дружбе, которая в старину господствовала между нашими предками и русскими, о тех благодеяниях, которые в былые тяжелые времена оказывали им русские князья, защищая их от разных обид и неправды со стороны ливонских рыцарей. А еще больше этот высокознаменательный день должен оживить и укрепить в нас, ныне живущих, чувство благодарности за оказанные нам Отцом русского народа благодеяния; он должен вызвать в нас искреннее желание теснейшего сближения с русским народом, желание – научиться понимать и ценить русскую веру, доброту и мягкость русского народа и его готовность всегда помогать бедствующему.

Юрий Трусман.

Содержание

Ю. Трусман Начало и распространение в древности православия между финскими племенами Ю. Трусман	1
---	---